

КРИСТАЛЬНЫЕ ВРАТА: НАСЛЕДИЕ

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Евгений Фюжен

Кристалльные Врата: Наследие

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Кристалльные Врата: Наследие / Е. Фюжен — «Автор», 2026

Четверо друзей становятся свидетелями пожара и — против своей воли — участниками спасения людей. В дыму и огне Александр видит невозможное: линии в воздухе и крошечный тёплый осколок, который не берёт камера и который словно реагирует на их единство. Ночью музей, исчезнувшая Серафима и незнакомец, знающий про “наблюдателей”, открывают: за их миром следят, а любой выбор — часть чьей-то игры. Чтобы не превратиться в марионеток, ребятам придётся держаться вместе, пройти через двери чужих эпох и понять, что главное оружие против тех, кто смотрит, — то, что между ними.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Пепел и кристальный отблеск	5
Глава II. Те, кто смотрит	14
Глава III. Нить, которую тянут	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Фюжен

Кристалльные Врата: Наследие

Глава I. Пепел и кристальный отблеск

Серафима исчезла так, будто её и не было – без шагов, без вдоха, без хлопка двери, оставив после себя лишь чувство, что воздух в зале стал плотнее. Четверо друзей ещё долго стояли среди витрин, не решаясь первым нарушить тишину, и музейный пол под их ногами казался вдруг слишком хрупким – как тонкий лёд на Неве в оттепель.

Ночной смотритель кашлянул за их спинами, неловко напоминая о человеческих правилах: «Закрываемся, господа...» – и в этом будничном голосе было что-то спасительное. Елизавета первой кивнула, будто приняла решение не о выходе из музея, а о возвращении в мир, где всё по-прежнему измеряется ключами, расписаниями и печатями.

Они шли к гардеробу почти молча. Слова, которые хотелось произнести, были слишком большими для коридора с тусклыми лампами: «верю», «страшно», «зачем мы». Александр задержался у стеклянной двери, оглянувшись на зал так, словно ожидал увидеть в отражении не своё лицо, а чужой знак – тонкую серебряную трещину в реальности. Но отражение было честным: бледные скулы, тёмные глаза, усталость и странная ясность.

Мария натянула шарф до самых глаз и прошептала:

– У меня ощущение, что мы... как после долгого сна.

Елизавета усмехнулась.

– После сна обычно хочется есть, а мне хочется составить план.

Их четвёртый друг – высокий, молчаливый, с привычкой держать руки в карманах, будто там спрятаны ответы, – не усмехнулся и не возразил. Он просто посмотрел на Александра, и этого взгляда хватило: «Если ты снова уйдёшь в свои мысли – я вытащу».

Они вышли на улицу.

Февраль в городе всегда пахнет сразу двумя крайностями: дымом и льдом. Снег на тротуарах был грязным, с коркой, в которой застревали каблуки. Воздух колот лёгкие, как свежий металл, и от каждого выдоха поднималось небольшое облако – как видимый след присутствия.

– Разъезжаемся? – спросила Елизавета, уже доставая телефон.

Словно в ответ где-то далеко завывала сирена.

Сначала одна. Потом другая. Потом ещё – и все они сложились в один длинный, настойчивый звук, от которого у человека внутри поднимается что-то древнее, инстинктивное: «беги» и «помоги» одновременно.

Мария подняла голову.

– Слышите?

Они стояли у ступеней музея, и в этот момент город, казалось, на секунду открыл своё сердце: издалека тянуло горьким запахом гари, и над крышами в стороне Васильевского острова поднималось мутное, рыжеющее облако. Оно было ещё далеко – но уже видно, как шрам на небе.

Елизавета машинально повернула экран телефона к ним:

– Пожар. В соцсетях пишут – на Среднем проспекте, дом старый, коммуналки.

Слова прозвучали слишком быстро, слишком деловито, будто речь о пробке. И всё равно в них было страшное: «дом старый» – значит, лестницы узкие, перекрытия капризные, дым пойдёт вверх, как хищник.

Александр почувствовал, как по позвоночнику проходит холодная струна.

– Там могут быть дети, – сказал он тихо.

Это не было предчувствием, не мистикой. Просто здравый смысл: в старых домах живут все, кто может, и ночь не выбирает.

И всё же где-то глубже, под здравым смыслом, что-то едва заметно щёлкнуло – как если бы в замке повернули ключ, которого ты не видел.

– Мы же не пожарные, – выдохнула Мария, и тут же добавила, не давая своему страху укрепиться: – Но мы можем...

Четвёртый друг резко вытащил руки из карманов.

– Мы можем хотя бы доехать. А дальше – по обстановке.

Елизавета уже вызывала такси, но потом сбросила.

– Нет. На метро быстрее. И не застрянем.

И они побежали.

В метро было тепло и пахло резиной. Люди вокруг ехали с лицами, на которых отпечатались свои личные миры: чьи-то покупки, чья-то усталость, чья-то поздняя любовь. Никто не знал, что над одним из домов уже горит небо, и это равнодушие не было жестоким – оно было просто человеческим, необходимым, иначе город бы сошёл с ума.

Александр стоял, держась за поручень, и пытался дышать ровно. Сердце било в рёбра, как птица в клетку. В голове всплывали не мысли, а короткие картинки: окно, из которого кто-то зовёт; лестница, по которой нельзя; дети, прижавшиеся друг к другу.

– Саша, – тихо сказала Мария. – Ты как?

Он хотел ответить честно: «Мне страшно». Хотел сказать другое: «Я не знаю, что делать». Но из него вышло третье – странно спокойное:

– Мы будем делать то, что можем. И всё.

Елизавета слушала их краем уха и одновременно читала новости. Пальцы у неё двигались быстро, но не суетливо – в ней включился тот режим, который бывает у людей, умеющих брать на себя ответственность: мир может быть хаосом, но ты – нет.

– Говорят, огонь на четвёртом. Дым уже в подъезде. Пожарные едут, – проговорила она. – Если мы приедем раньше – главное не лезть в ад. Главное – помочь тем, кто снаружи: вывести, успокоить, вызвать скорую, не дать людям бросаться внутрь.

Четвёртый друг кивнул.

– И смотреть наверх, – добавил он. – Люди иногда в панике прыгают.

Мария побледнела.

– Не говори так.

– Говорю, чтобы помнить, – коротко ответил он.

Поезд вынырнул из тоннеля на станцию. Двери раскрылись, и на платформу как будто ворвался другой воздух – более сухой, более нервный. Они выскочили и побежали по переходу, цепляясь взглядами за указатели, за чужие плечи, за время.

На улице их встретил ветер – и запах, который теперь уже нельзя было перепутать ни с чем.

Горело.

Дом был из тех, что город носит на себе как старую одежду: красивый снаружи, изношенный внутри. Тёмные арки, облупленная лепнина, узкие окна, за которыми – жизнь. Сейчас эта жизнь вырывалась наружу криками, кашлем и чёрным дымом.

У подъезда стояла толпа. Кто-то в халате, кто-то в куртке на голое тело. Кто-то босиком в снегу. На асфальте валялись сумки, детские куртки, чьи-то документы, выброшенные в спешке. Слышалось:

– Там мама!

– Ключи! Я забыл ключи!

– Где пожарные?!

– Вода! Дайте воды!

Сверху – из окна четвёртого этажа – вырывался огонь, как язык, который ищет, что лизнуть дальше. Стекло было выбито, рама почернела, и в этом проёме мелькала тень.

Александр поднял голову и увидел – на подоконнике, в дыму, – силуэт человека. Он махал рукой, но движения были уже не отчаянные, а вязкие, будто воздух стал густым.

– Там кто-то! – крикнул Александр.

Елизавета схватила первого попавшегося мужчину в жилете управляющей компании – у него на груди болтался бейдж.

– Сколько людей внутри? Дети есть?

Мужчина смотрел на огонь, как на приговор.

– Там... там коммуналка. На третьем – семья, у них двое. На втором тоже дети... Я... я не знаю, всех ли вывели.

Мария рванулась к толпе, увидела женщину, которая тряслась, прижимая к груди маленького мальчика, и у мальчика были огромные, слишком взрослые глаза.

– Всё хорошо, – сказала Мария, хотя не знала, правда ли это. – Ты молодец. Ты уже снаружи.

Мальчик не отвечал. Он смотрел на окно, где горело, и у него в зрачках отражался огонь.

Четвёртый друг схватил Александра за локоть, когда тот сделал шаг к подъезду.

– Не туда. Дым.

И действительно: из двери подъезда валил дым, низкий, тяжёлый, стелящийся. Он пах не деревом – он пах пластиком, проводами, чьей-то мебелью, чьими-то фотографиями, которые сейчас превращались в чёрные хлопья.

– Нужны мокрые тряпки, – сказала Елизавета. – Есть вода?

– Там кран во дворе! – кто-то крикнул.

– Тогда быстро. Мария – помогай людям держаться подальше от подъезда и не пускай внутрь. Саша... – она посмотрела на него, и в её взгляде было что-то неожиданно мягкое. – Саша, ты умеешь говорить так, что люди слушают. Останься со мной.

Это было почти смешно: «умеешь говорить». Сейчас, когда горит дом, слова кажутся бумажными. Но Александр понял, что она права. Паника – это тоже огонь. И он распространяется быстрее.

Он шагнул к толпе, поднял ладони, как дирижёр, который пытается остановить оркестр на грани срыва.

– Послушайте! – громко сказал он. – Не заходите в подъезд. Дым убивает быстрее огня. Если у вас там близкие – скажите, на каком этаже, в какой квартире, сколько человек. Пожарным нужна информация, а не герои, которые лягут там же.

Ему ответили криками.

– Там моя сестра!

– Там ребёнок!

– Я сейчас сам!

Александр поймал взгляд мужчины, который уже рвался к двери, и сказал ему прямо в глаза:

– Вы их не спасёте, если сами упадёте на лестнице. Помогите иначе. Скажите мне: этаж. Квартира. Сколько.

Мужчина дрожал, но выдохнул:

– Третий. Правая. Двое детей. Мать.

Александр повторил, как фиксируя:

– Третий, правая, двое детей, мать. Хорошо.

Слова, повторённые вслух, становились фактами. Факты – якорями.

Елизавета стояла рядом и записывала. У неё на лице появилась та самая сосредоточенность, которую обычно видишь у людей на операциях: никаких эмоций наружу, всё – внутрь и в действие.

Четвёртый друг уже тащил мокрые куртки, кто-то подал простыни, кто-то – бутылки воды. Мария, обняв женщину в халате, заставляла её дышать медленно.

И тут сверху снова раздался крик.

– Помогите! Тут дети!

Голос был женский, хриплый, почти сорванный.

Все головы поднялись. Окно на четвёртом – огонь. Но чуть левее, на соседнем окне, в дыму, мелькнуло маленькое лицо – и тут же исчезло.

Мария вскрикнула и закрыла рот рукой.

– Там... там маленький.

Елизавета уже набирала номер пожарной службы, но связь была занята – очевидно, звонил весь район.

Александр почувствовал, как внутри него снова натягивается та самая холодная струна. И в этот момент произошло странное – не внешне, не так, чтобы можно было показать пальцем. Просто на секунду мир как будто стал... более прозрачным.

Огонь в окне не просто горел – он дробился на оттенки. Дым не просто клубился – в нём проступали тонкие, почти геометрические линии, как если бы он тек по невидимым граням.

Александр моргнул. Линии не исчезли.

– Вы это видите? – прошептал он, сам не понимая, к кому обращается.

Четвёртый друг посмотрел туда же, нахмурился.

– Что именно?

Елизавета не отрывалась от телефона.

– Саша, потом! Сейчас – дети.

И это «потом» прозвучало так, будто она отрезала ножом любую мистику. Но линии в дыму всё равно были.

Пожарные приехали резко – с визгом тормозов, с ударами дверей, с командами. Свет мигалок разрезал ночь на красные и синие куски. Люди в касках бежали к подъезду, разворачивая рукава, и в их движениях была уверенность тех, кто видел смерть слишком много раз, чтобы её бояться, но достаточно, чтобы уважать.

– Кто звонил? – рявкнул старший.

Елизавета вышла вперёд.

– Я. На третьем, правая – мать и двое детей. На четвёртом – женщина кричала, что там дети. Точное количество неизвестно. В подъезд люди не заходили, дым валит из двери, – она говорила быстро, чётко, без лишних слов.

Пожарный кивнул – это было похоже на признание: «Ты сделала правильно».

– Отойдите все! – закричали спасатели.

Толпа попятилась. Кто-то плакал. Кто-то снимал на телефон, и это было отвратительно и естественно одновременно: человек пытается удержать реальность, хотя бы картинкой.

Александр смотрел вверх. В том левом окне снова показалось лицо – теперь уже отчётливо. Девочка. Лет семь, может меньше. Она прижимала к стеклу ладони, оставляя мокрые следы. Рядом – мальчик, постарше, он что-то кричал, но звук тонул в шуме сирен.

– Лестницу! – заорал кто-то из пожарных.

Развернулась автолестница, заскрежетал металл. Но дом стоял неровно, двор был тесный, и лестница не сразу поймала нужный угол. Секунда. Две. Три.

Дети в окне исчезли.

Мария тихо, почти беззвучно заплакала.

– Нет, – сказал Александр. И это «нет» было не просьбой и не молитвой – это было решением.

Он не побежал к подъезду. Он побежал во двор, огибая дом, туда, где окна выходили на узкий колодец. Там было темнее и тише, будто огонь не хотел смотреть сюда.

– Саша! – крикнула Елизавета, но он уже не остановился.

Четвёртый друг догнал его первым и схватил за плечо так, что пальцы больно впились.

– Ты что задумал?

– Лестница может не успеть, – выдохнул Александр. – Там есть пожарная лестница? В старых домах иногда снаружи...

– Иногда, – отрезал друг. – А иногда – пустая стена.

Они выбежали в колодец и увидели: действительно, железная лестница – старая, ржавая, но ещё живая. Она шла от второго к третьему, а дальше – обрыв: верхний пролёт был сорван, вероятно, ещё много лет назад.

– Чёрт, – прошептал четвёртый.

Александр поднял голову. Окно с детьми было выше – четвёртый этаж. До него не дотянуться. Но рядом, на третьем, было окно, чуть приоткрытое. Оттуда валил дым.

И вдруг Александр снова увидел линии. Теперь они были ярче – тонкие, как нитки стекла. Они тянулись от окна к лестнице, от лестницы – к его рукам, будто мир подсказывал траекторию.

– Это бред, – выдохнул четвёртый друг. – Саша, не лезь.

Александр посмотрел на него.

– Если это бред – останови меня. Физически.

Четвёртый друг стиснул зубы. И – отпустил.

– Тогда я с тобой, – сказал он.

– Нет, – резко ответил Александр. – Ты – страховка. Снизу. Держи.

Он схватил ремень от своей сумки, быстро связал его с концом мокрой простыни, которую успел прихватить, и протянул другу.

– Если я сорвусь – тяни.

– Ты псих, – сказал тот, но взял.

Александр полез по железу.

Лестница была холодной, мокрой, скользкой. Пальцы сразу онемели. Под ногами скрипела ржавчина. Внизу кто-то кричал, но звуки здесь, в колодце, казались далёкими – будто он поднялся не на этаж, а в другое состояние.

На уровне третьего этажа он дотянулся до окна. Там было жарко, и оттуда пахло дымом так густо, что он закашлялся. Он прижался лицом к рукаву, вдохнул через ткань – коротко, неглубоко.

– Эй! – крикнул он внутрь. – Есть кто живой? Откройте!

Ему ответил стук. Слабый. Потом – кашель.

И в проёме показалась рука. Женская. Дрожащая.

– Дети... – выдавил голос изнутри. – Наверху... не могу... дым...

Александр почувствовал, как к горлу подступает паника. Но линии в дыму, эти странные грани, будто удерживали его. Они были как строгий чертёж: «делай так».

– Слушайте меня! – сказал он громко. – Я сейчас вам помогу выйти. Дышите через ткань. Держитесь низко. Где у вас дети?

– Наверху... в комнате... – снова кашель. – Я... пыталась...

Он понял: это та самая мать с третьего.

– Давайте сюда! – приказал он. – По одному. Сначала вы. Потом... потом пожарные займутся верхом. Поняли?

– Там... маленькая... – рыдание.

– Понял, – сказал Александр. – Но если вы упадёте сейчас – не спасёте никого. Давайте. Рука вцепилась в раму. Женщина показалась в окне – лицо серое от копоти, глаза красные, волосы прилипли ко лбу. Она увидела Александра на лестнице и на секунду застыла, как человек, которому предложили невозможное.

– Быстро, – сказал он. – Я держу.

Он протянул ей мокрую простыню, накинуд ей на голову, заставил прижаться лицом к ткани.

– Низко. Не смотрите на огонь. Смотрите на меня.

Она дрожала, но сделала шаг. Её нога нашла перекладину. В этот момент снизу натянулся ремень – четвёртый друг держал, как якорь.

– Молодец, – сказал Александр женщине. – Держитесь. Я с вами.

Он спустил её на площадку между пролётами и передал в руки другу, который уже поднялся на нижний кусок лестницы.

– Дальше веди её вниз, – коротко сказал Александр.

– А ты? – прошипел тот.

Александр поднял голову.

Окно четвёртого этажа, где были дети, было выше. Но теперь у него появился шанс: если подняться ещё на уровень и встать на верхнюю перекладину третьего пролёта, можно дотянуться до водосточной трубы. А по трубе – к карнизу.

Это было безумие.

И всё же линии в дыму складывались именно так.

Он полез выше.

Металл под руками стал теплее. Воздух – горячее. Дым начал спускаться в колодец, как чёрная вода. Александр снова прижал лицо к рукаву, и каждый вдох был как игла.

Он дотянулся до водосточной трубы. Она была мокрая и скользкая, но крепкая. Он обхватил её руками, перенёс вес, почувствовал, как тело на секунду потеряло опору – и нашло новую.

– Саша! – где-то внизу кричала Мария, но звук был обрывком, как сон.

Он поднялся ещё чуть-чуть, на уровень карниза. И увидел окно четвёртого этажа сбоку – не то, что горело, другое, в котором были дети. Стекло было запотевшее, за ним – серые тени.

Александр ударил по раме ладонью.

– Эй! Слышите меня? Откройте!

Никто не ответил.

Он ударил снова. И тогда в стекле появилось лицо – мальчик. Он смотрел на Александра так, как смотрят на спасение и на угрозу одновременно: не веря, но цепляясь.

Александр жестом показал: «Открывай».

Мальчик дёрнул ручку. Окно не поддавалось.

Заперто.

Александр выругался шёпотом, сорвал с себя мокрую простыню, обмотал вокруг руки и ударил по стеклу. Стекло треснуло. Он ударил ещё – и оно осыпалось внутрь, звеня, как кристалл.

И в этот момент линии, которые он видел, вспыхнули ярко – словно на секунду весь дым стал стеклянным, а огонь – отражением.

– Быстро! – сказал он. – По одному. Закройте лица тканью. Дышите низко.

Он протянул простыню внутрь. Мальчик схватился за неё, подтянулся. Девочка была за его спиной, она плакала без звука – слёзы оставляли дорожки по копоти.

– Сначала ты, – сказал Александр мальчику. – Потом сестра.

– Она не сестра, – прохрипел мальчик. – Она... соседка... мама... мама там...

Эти слова ударили сильнее, чем дым.

– Понял, – сказал Александр. – Сейчас ты выйдешь. Я тебя держу. Дальше – вниз, к людям. Потом вернёмся к маме. Понял?

Мальчик кивнул – судорожно, как взрослый.

Александр схватил его за куртку, вытянул на карниз. Ребёнок был лёгкий, но дрожащий, и Александр почувствовал, как его собственные руки начинают сдавать.

– Не смотри вниз, – сказал он мальчику. – Смотри на меня.

Мальчик смотрел.

Александр передал его на лестницу – туда, где уже поднялся четвёртый друг, и на секунду их взгляды встретились. В глазах друга было то, чего он никогда не говорил вслух: «Я горжусь тобой и ненавижу тебя за это».

– Девочку! – крикнул друг.

Александр повернулся к окну. Девочка стояла, прижимая ладони к груди, и не двигалась. Дым за её спиной сгустился.

– Иди ко мне, – мягко сказал Александр, стараясь, чтобы голос звучал как в сказке, а не как на войне. – Я держу.

Она мотнула головой.

– Я боюсь.

– Я тоже, – честно сказал он. – Но мы будем бояться вместе. Хорошо?

Это сработало. Не обещание, не приказ – «вместе».

Девочка шагнула к окну. Её руки дрожали. Александр протянул ткань.

– Закрой лицо, – сказал он. – Вот так. Умница.

Он вытащил её на карниз, прижал к себе на секунду – коротко, чтобы она почувствовала опору. У неё пахло детским шампунем и дымом.

– Дыши, – сказал он. – Дыши медленно.

И вдруг он услышал – не ухом, не звуком. Где-то внутри головы, под шумом крови, прозвучало чужое, спокойное:

«Мы видим».

Александр замер.

Слова не принадлежали ни Марии, ни Елизавете, ни другу. Они были как взгляд в спину.

Он поднял глаза – и в отражении выбитого стекла, в тёмной полосе между дымом и небом, ему показалось, что кто-то стоит на крыше соседнего дома. Слишком неподвижно. Слишком ровно.

Лицо было неразличимо. Но ощущение взгляда – нет.

Четвёртый друг рявкнул снизу:

– Саша! Давай!

Александр встряхнулся, как человек, который вынырнул из воды. Передал девочку в руки другу.

– Держи крепко, – сказал он.

– Держу, – коротко ответил тот.

И повёл детей вниз.

Александр остался на карнизе один.

Дым валил из окна. Внутри кто-то кашлял. Женский голос – слабый, почти исчезающий – пытался сказать что-то, но слова распадались.

Мария кричала снизу, но он не слышал смысла.

Елизавета, вероятно, уже указывала пожарным на колодец.

Александр смотрел в окно и понимал: если он сейчас полезет внутрь – он может не выйти. И тогда он станет ещё одной проблемой, ещё одним телом, которое нужно спасать.

Но в голове звучало: «мама там».

Он сделал вдох через ткань. Мир снова стал прозрачнее. Линии в дыму показывали не путь вверх, а путь назад – к жизни. Они словно говорили: «не геройствуй, выбирай правильно».

И вдруг из окна показалась рука. Та самая – женская.

Она не тянулась к нему. Она тянулась к воздуху.

Александр схватил её.

– Сюда! – сказал он, хотя голос сорвался. – Давайте! Быстро!

Он потянул.

Рука была тяжёлой, как будто к ней привязали весь дым. Женщина показалась в проёме – другая, не та, с третьего. Эта была старше. Волосы седые. Лицо чёрное от копоти, глаза почти закрыты.

Она упала на карниз, и Александр едва удержал её.

– Дети... – прошептала она.

– Дети уже спускаются, – соврал он. – Всё хорошо.

Её губы дрогнули, как будто она улыбнулась – или просто попыталась.

И тут снаружи, во дворе, раздалась команда, и в окно ударила струя воды. Дым дёрнулся, отступил. Огонь в соседнем окне взвыл, как зверь, которому не дали добычу.

Александр понял: пожарные уже здесь, они взяли дом.

Это означало одно: его время – закончено.

Он повернулся к водосточной трубе, попытался перенести вес – и почувствовал, как пальцы скользят. Сила уходила, как вода из ладоней. Он не был тренирован. Он был просто человеком.

Снизу снова натянулся ремень.

Четвёртый друг держал.

– Давай! – закричал он. – Я тяну!

Александр ухватился за трубу, сделал движение – и сорвался на полметра вниз, ударившись коленом о карниз. Боль вспыхнула белым.

– Саша! – это уже кричала Елизавета, и в её голосе впервые прорвалось настоящее.

Он не ответил. Он только держался.

И в этот момент – на долю секунды – линии в дыму вокруг его рук сложились в чёткую, сияющую грань, как прозрачная лестница. Не настоящую, не физическую – но такую, по которой тело вдруг вспомнило, как быть уверенным.

Он сделал движение – и оказался на ржавой железной ступени.

Потом ещё.

Потом ещё.

И вот он уже на площадке третьего этажа, и четвёртый друг хватает его за плечи и почти силой тянет вниз.

– Ты жив? – прошепел он.

Александр кивнул, не в силах говорить.

– Тогда молчи и дыши, – приказал друг. – Дыши.

Во дворе было светло, как днём: фонари, мигалки, прожекторы. Люди стояли, прижавшись друг к другу. Кто-то обнимал детей. Девочка, которую они сняли с четвёртого, сидела на ступеньке и дрожала в чужой куртке; Мария держала её руки и рассказывала что-то тихое, бессмысленно-успокаивающее – про кошку, про чай, про то, что сейчас будет тепло.

Елизавета подошла к Александру и молча положила ему на ладонь свою перчатку.

– Надень, – сказала она. – Ты весь ледяной.

Он надел, не споря.

– Ты мог... – начала она, и остановилась.

Слова «ты мог умереть» не произносят, если человек стоит перед тобой. Они слишком тяжёлые.

Александр посмотрел туда, где над домом всё ещё поднимался дым.

– Мы успели? – спросил он.

Елизавета выдохнула.

– Двоих детей вывели точно. И женщину. Пожарные сказали – ещё кого-то сняли с лестницы с другой стороны. Скорые приехали. Живы.

Мария подняла на них глаза – красные, мокрые.

– Они живы, – повторила она, как заклинание.

Четвёртый друг сел на бордюр рядом с Александром, опустил голову и внезапно сказал очень тихо:

– Я тебя ударю, когда всё закончится.

Александр хотел улыбнуться, но губы не слушались.

– Справедливо, – выдохнул он.

И тут он почувствовал, что в ладони под перчаткой что-то мешает. Как песчинка. Он снял перчатку и увидел на коже – маленький прозрачный осколок. Не стекло: тот осколок был слишком ровный, как будто у него были грани. Он лежал на ладони и... был тёплым.

Александр поднял его к свету.

Осколок поймал отблеск мигалки и вспыхнул внутри коротким серебряным светом – как память о той секунде, когда дым стал прозрачным.

Елизавета наклонилась ближе.

– Это что?

Мария тоже посмотрела, и её дыхание сбилось.

Четвёртый друг, всё ещё сидя, поднял глаза и вдруг замер. Он видел то же.

– Это... – начал он, но не нашёл слова.

Александр сжал осколок в кулаке. Тепло не исчезло.

И в этот момент – совсем рядом, на границе света прожекторов – он снова почувствовал взгляд. Не человеческий. Холодный, оценивающий, будто кто-то смотрит не на их лица, а на то, что между ними: на их связь.

Александр медленно поднял голову.

У края двора стоял человек в тёмной куртке. Обычный. Без каски. Без формы. Он не снимал на телефон. Он просто смотрел.

И когда их взгляды встретились, Александр понял: этот человек не рад, что они спасли детей.

Он рад, что они проявились.

Человек чуть наклонил голову – едва заметно, как знак: «да, я вижу тебя».

Потом развернулся и растворился в толпе так легко, будто толпа была водой.

Мария сжала руку Александра.

– Ты чего побледнел?

Он хотел сказать: «за нами наблюдают». Хотел сказать: «всё только начинается». Хотел сказать: «Серафима была права».

Но сказал другое – самое простое:

– Давайте уйдём отсюда вместе.

И они ушли – четверо, плечом к плечу, оставляя позади пожар, который уже был почти побеждён, и ночь, которая стала слишком внимательной.

А в кулаке Александра тёплый прозрачный осколок лежал, как маленькое обещание: у некоторых дверей нет ручки, но у них есть ответ.

Глава II. Те, кто смотрит

Они действительно встретились на пожаре – ровно так, как было обещано в той тишине музея, когда всё казалось символом, а оказалось прологом. Теперь символы пахли гарью, и от этого становились особенно реальными.

Они уходили от двора не бегом и не шагом – каким-то третьим способом, когда тело ещё помнит опасность и поэтому не умеет идти ровно. Александр прихрамывал: колено ныло глухо, без острых вспышек, но настойчиво, как напоминание «ты не железный». Кирилл держался рядом, чуть позади, и молчал так тяжело, будто в этом молчании он удерживал не слова – удерживал Александра от желания оглянуться.

Мария шла между ними и Елизаветой, прижимая к лицу рукав. Она уже не плакала, но дышала коротко, как после долгого бега, хотя бега не было давно. Елизавета смотрела прямо, в уличный свет, и всё время что-то подсчитывала в голове – по её взгляду это было видно: не цифры, а варианты, последствия, последовательность действий.

За спиной остались мигалки, команды, густой шум толпы, и вместе с ними – тот чужой взгляд, который Александр ощущал кожей. Сначала он пытался убедить себя, что это просто нервное. Что так бывает после риска: кажется, будто кто-то следит, а на самом деле мозг просто не умеет сразу выключить тревогу.

Но тогда почему осколок в кулаке оставался тёплым?

Он не говорил об этом вслух. Тепло было слишком личным – и слишком странным. Оно не походило на случайный предмет, который согрелся от ладони; оно было как маленький очаг, который не собирается гаснуть.

Они дошли до круглосуточной аптеки на углу. Над дверью висела зелёная вывеска, светившаяся так ярко, будто аптека была единственным здоровым местом в городе.

– Вода. Йод. Бинты. Что-нибудь от ожога. И... – Елизавета замялась на секунду, глядя на их лица. – И нашатырь на всякий случай.

– Ты говоришь так, как будто мы свалились с лестницы всем кварталом, – хрипло усмехнулся Кирилл.

– Почти так и было, – ровно ответила Елизавета. – И да, Кирилл, если ты ещё раз скажешь «ты псих», я добавлю это в список травм.

Кирилл дёрнул углом рта – не улыбка, но попытка.

– Я уже сказал.

– Значит, уже поздно, – отрезала она и толкнула дверь.

В аптеке было тепло и пахло спиртом, мятой и чем-то сладким, что всегда есть в таких местах – будто запахи специально придумали, чтобы человек поверил: здесь его починят. Молодая фармацевт подняла голову, увидела копоть на их одежде и сразу стала взрослой. Без вопросов, без лишнего сочувствия – просто делом.

Елизавета купила всё, что хотела, добавила ещё две бутылки воды и пачку одноразовых масок.

– Зачем маски? – спросила Мария.

– Чтобы мы перестали пахнуть дымом хотя бы немного, – сказала Елизавета. – И чтобы не кашлять на первом же человеке, который спросит «ну как вы там».

Они вышли обратно в ночь. Ветер ударил в лицо, и Александр впервые понял, что у него дрожат руки. Не от холода – от того, что адреналин наконец-то отпустил и оставил после себя пустоту.

Они остановились под фонарём. Елизавета распечатала бинт, обмотала Александру колено так профессионально, будто делала это сто раз, хотя он точно знал: она не врач.

– Больно? – спросила она, затягивая.

– Терпимо.

– Это не ответ, – сказала Елизавета.

– Больно, – признался он.

– Так и запишем, – сухо сказала она, и в этой сухости была забота.

Мария пила воду маленькими глотками и смотрела в тёмный асфальт. Кирилл стоял, опираясь на стену аптеки, и впервые за весь вечер выглядел не как человек-щит, а как человек, который устал быть щитом.

– Мы должны поговорить, – сказал Александр.

– Мы должны молчать, – мгновенно ответил Кирилл. – Ты сейчас начнёшь объяснять, что видел «линии», и я снова захочу тебя ударить.

– Я видел линии, – спокойно сказал Александр.

– Вот, – Кирилл поднял ладонь, будто показывал невидимую отметку в воздухе. – Уже хочу.

Мария резко подняла голову.

– Какие линии?

Елизавета посмотрела на Александра так, как смотрят на человека, который может быть либо гением, либо слишком напуганным.

– Саша, – сказала она тихо. – По очереди. Без мистики. Факты.

Александр разжал кулак.

Осколок лежал на его ладони, прозрачный и странно правильный. Он был маленький, не больше ногтя большого пальца, но у него действительно были грани – тонкие, аккуратные, как будто кто-то обточил стекло не для витрины, а для смысла.

Мария охнула.

– Это от окна?

– Не знаю, – честно ответил Александр. – Я думал, что от окна. Но... он тёплый.

Кирилл наклонился ближе, но не тронул.

– Может, ты просто нагрел его.

– Я держал его в перчатке, – сказал Александр. – Он был тёплый ещё тогда, когда я только заметил.

Елизавета достала телефон.

– Сейчас проверим. Фото. Если это обычное стекло – камера покажет обычное стекло.

Она навела объектив на ладонь Александра, коснулась экрана. Телефон моргнул – как будто на секунду потерял фокус, – и вместо фотографии показал серый прямоугольник.

– Что за... – Елизавета попробовала ещё раз. То же самое.

Кирилл вытащил свой телефон, снял.

Серый прямоугольник.

Мария, дрожа, включила камеру. На экране было их отражение, фонарь, аптека – всё. Она приблизила камеру к осколку, и изображение словно «провалилось»: на секунду вместо ладони появилось что-то похожее на мутный лёд с тонкими линиями внутри, а потом снова серый прямоугольник.

Мария отдернула телефон, будто он обжёг.

– Это... это не нормально.

– Нормально – это когда дети в окне и у тебя есть план, – сказал Кирилл с горечью. – А всё остальное...

Он не договорил. Не потому, что не знал слов – потому что слова не подходили.

Елизавета выдохнула.

– Ладно. Допустим, это не стекло. Допустим, оно «не фотографируется». Что дальше?

Она говорила «допустим» так, как будто имела дело не с чудом, а с непредвиденной технической проблемой.

– Дальше... – Александр замялся. – Дальше был человек.

Кирилл сразу напрягся.

– Какой человек?

– В тёмной куртке. Не пожарный. Он смотрел. И... – Александр подбирал слова, потому что «и я это чувствовал» звучало для Елизаветы слишком расплывчато. – И мне показалось, что он рад не тому, что мы спасли, а тому, что мы... проявились.

Мария резко обняла себя руками.

– Я тоже его видела, – сказала она. – Когда мы уходили. Не лицо, а... ощущение. Как будто тебя рассматривают.

Елизавета медленно кивнула, и Александр понял: вот это важно – она не спорит.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда вопрос: почему мы о нём говорим сейчас, а не полчаса назад?

Кирилл усмехнулся без радости.

– Потому что тогда мы думали, что это просто «после пожара мерещится». А теперь у нас предмет, который не фотографируется. И три телефона с одинаковой ошибкой.

Елизавета посмотрела на осколок.

– Дай.

Александр хотел сказать «осторожно», но понял, что это смешно. Он передал ей осколок.

Елизавета взяла его двумя пальцами. Осколок блеснул в её руках – не светом фонаря, а как будто внутренним.

И она, сама того не замечая, вздрогнула.

– Тёплый, – сказала она тихо. – Чёрт.

Кирилл резко поднял голову.

– Вот теперь я верю. Если Лиза сказала «чёрт», значит, ей страшно.

Елизавета вернула осколок Александру, словно он был не вещью, а ответственностью.

– Где мы будем говорить? – спросила она. – На улице нельзя. Дома – тоже... не знаю. Я не хочу тащить это к себе в квартиру, если нас действительно кто-то «смотрит».

Слово «смотрит» она произнесла с отвращением – как будто речь о грязных окнах.

Мария тихо сказала:

– В музей.

Они переглянулись.

Музей был единственным местом, где всё началось. Единственным, где исчезла Серафима. Единственным, где странное не казалось сумасшествием, потому что там оно уже однажды оказалось правдой.

– Ночью? – спросил Кирилл. – Он же закрыт.

– У нас есть смотритель, – сказала Елизавета. – И у меня есть голос, который умеет убеждать. Иногда.

– Ты же только что говорила, что это Саша умеет говорить, – пробормотала Мария.

– Сегодня он говорил людям «не заходите в дым». Это другой жанр, – ответила Елизавета. – А сейчас нужен жанр «пустите нас в музей среди ночи, пожалуйста».

Кирилл вздохнул и впервые за вечер посмотрел на Александра не как на проблему, а как на человека.

– Колено выдержит?

– Выдержит.

– Тогда идём.

Дорога обратно была похожа на возвращение на место преступления, хотя преступления, кажется, ещё не случилось – только намёк. В метро люди снова были обычными, и это раздражало, но одновременно спасало: обычность держала мир в рамках.

Александр всё время ловил себя на желании оглядываться. Он не оглядывался. Он чувствовал спиной чужое присутствие так отчётливо, что казалось: стоит повернуть голову – и увидишь. Но он боялся не того, что увидит; он боялся того, что не увидит ничего. Тогда нельзя будет доказать себе, что это не плод воображения.

Елизавета шла первой. Кирилл – последним, будто охранял тыл. Мария держалась ближе к Александру.

– Саша, – прошептала она, когда они спускались по лестнице на станцию. – А если... это всё из-за нас? Из-за того, что мы вмешались?

– Мы спасали детей, – ответил он. – Если за это «наблюдают» – значит, наблюдателям не нравится, когда люди остаются людьми.

Мария сглотнула.

– Ты говоришь так, будто уже всё понял.

– Я ничего не понял, – честно сказал он. – Просто я знаю одно: мы не можем сделать вид, что этого не было.

Она кивнула – и крепче сжала его рукав.

На выходе из метро их окатил ночной воздух. Музей стоял тихо, почти торжественно, как будто не имел отношения к горящим домам и к дыму в лёгких.

У входа действительно был тот самый смотритель – мужчина с лицом вечного недосыпа. Он увидел их и нахмурился.

– Мы же закрылись, – сказал он без злости, скорее с усталой обречённостью.

Елизавета шагнула к нему.

– Простите. Нам нужно на пять минут. Мы... – она посмотрела на их одежду, на коготь, на бинт. – Мы только что были на пожаре. И нам нужно проверить одну вещь, связанную с экспозицией. Пять минут. И мы уйдём.

Смотритель посмотрел на них внимательно, как смотрят на людей, которые могут принести неприятности, но уже принесли кому-то жизнь.

– Пять, – сказал он. – И только туда, где вы были. Никаких прогулок.

Елизавета кивнула так, будто подписала договор.

– Спасибо.

Дверь открылась, и они вошли внутрь.

Тепло музея ударило сразу. Пахло полиролью, пылью, старой тканью и чем-то ещё – тем самым музейным запахом, в котором есть тишина. Лампы в коридорах горели наполовину, создавая островки света и тени. Их шаги звучали слишком громко, как в церкви.

Они прошли в зал, где всё началось.

И сразу стало ясно: здесь воздух другой. Не мистический – собранный. Как будто стены привыкли держать внутри не только предметы, но и значения.

Александр остановился перед витриной, возле которой они стояли в прошлый раз. Он не помнил точно, как она называется, что написано на табличке. Он помнил ощущение – как скрип двери, которую нельзя видеть.

– Достань, – сказала Елизавета, и это было обращение не к Александру, а к ответственности.

Александр положил осколок на ладонь и поднёс к стеклу витрины.

Сначала ничего не произошло.

Кирилл шумно выдохнул, как будто его организм устал ждать чуда и решил вернуть себе право быть скептиком.

А потом стекло витрины – нет, не само стекло, а пространство за ним – будто «откликнулось». Не светом. Скорее изменением плотности: воздух стал чуть гуще, и от этого у Александра заложило уши, как в лифте.

Мария зажмурилась.

– Мне... холодно, – прошептала она.

Елизавета сжала губы.

– Мне тоже. Но не в теле. Как будто... внутри.

Кирилл осторожно протянул руку, не касаясь, и замер.

– Саша, – сказал он. – Он светится.

Осколок действительно светился – едва заметно, как слабая искра под лёдом. И внутри этой искры проступили тонкие линии – такие же, как в дыму, только теперь они были спокойные, правильные, как геометрия.

Александр почувствовал, что колено перестало болеть на секунду. Не потому что исцелилось – потому что тело забыло о нём, уступив место чему-то более важному.

– Лиза, – сказал Кирилл очень тихо. – Теперь скажи, что это «техническая проблема».

Елизавета не ответила. Она смотрела на осколок так, как смотрят на карту, которая вдруг появилась в руках.

И именно в этот момент раздался звук.

Не шаги. Не шорох. Не стук двери.

Сухой щелчок – как будто где-то в помещении кто-то выключил и тут же включил свет, но лампы не изменились. Изменилось ощущение: стало ясно, что в зале есть ещё кто-то.

Мария резко обернулась.

– Здесь кто-то есть.

Смотритель? Нет. Он остался внизу, у входа.

Они стояли вчетвером, и тишина вокруг них стала слишком напряжённой.

Александр медленно поднял голову.

В тёмной части зала, там, где витрины уходили в полутьму, стоял человек. Не тот, что во дворе – или тот? Лицо было в тени, но поза была такой же: спокойной, ровной, чуть наклонённой вперёд, будто он слушал.

Ни охраны, ни формы, ни бейджа. Просто человек, который не должен был быть здесь ночью.

– Эй! – громко сказала Елизавета, и её голос прозвучал неожиданно хищно. – Музей закрыт. Кто вы?

Человек не ответил.

Кирилл сделал шаг вперёд, и Александр поймал его за рукав.

– Не надо, – прошептал он.

Кирилл остановился, но напрягся сильнее.

Человек в тени поднял руку – медленно, без угрозы, как будто показывал: «я не нападаю».

И тогда Александр увидел, что у него в пальцах что-то блеснуло.

Не оружие. Не телефон.

Тонкая пластинка – как карточка, как стеклышко, как... часть чего-то.

Александр почувствовал, как осколок в его ладони нагрелся сильнее. Тепло стало почти болезненным.

Человек сделал шаг – и свет слегка зацепил его лицо.

Лицо было обычным. Ни шрамов, ни страшных глаз, ни киношной мистики. Обычный человек лет сорока. И от этого стало хуже: обычность давала право быть где угодно.

Он посмотрел на Александра – и впервые улыбнулся. Очень слегка.

– Не бойтесь, – сказал он спокойно. Голос был ровный, без акцента, без эмоций. – Я не враг.

Елизавета резко сказала:

– Тогда назовитесь.

Человек наклонил голову, будто обдумывал, насколько стоит быть вежливым.

– Имя не важно, – ответил он. – Важно, что вы сделали выбор. И теперь вас видно.

Мария шагнула ближе к Елизавете, как ребёнок к взрослому.

– Что значит «видно»?

– Значит, что вы больше не сможете жить так, будто никто не смотрит, – сказал человек. –

И вы это уже чувствуете.

Кирилл усмехнулся.

– А вы, значит, тот самый, кто смотрит?

Человек не обиделся. Он даже как будто оценил вопрос.

– Я – один из тех, кто знает, что смотреть можно по-разному, – сказал он. – Есть взгляд, который защищает. И есть взгляд, который ждёт, когда вы оступитесь.

Елизавета сжала кулаки.

– Кто вы? – повторила она. – И почему вы здесь?

Человек посмотрел на осколок в руке Александра, и взгляд его стал на секунду... внимательнее. Не жадным. Скорее профессиональным.

– Потому что у вас то, что не должно было появиться так рано, – сказал он. – И потому что вы уже привлекли внимание тех, кому это не понравится.

Александр почувствовал, как внутри поднимается холод.

– Наблюдатели, – тихо сказал он.

Человек кивнул – почти незаметно.

– Вы уже дали им имя. Это удобно.

Кирилл резко спросил:

– И что теперь? Мы должны отдать это вам? – он кивнул на осколок.

Человек покачал головой.

– Нет. Если вы отдадите – вы перестанете быть теми, кем стали сегодня. А это им и нужно.

Елизавета прищурилась.

– Вы говорите загадками. Скажите прямо, что вы хотите.

Человек сделал ещё один шаг ближе – так, чтобы его лицо стало видно в полумраке, но не настолько, чтобы свет сделал его «своим». Он оставался чуть чужим – и это чувствовалось.

– Я хочу, чтобы вы выжили, – сказал он. – И чтобы вы не сделали первую ошибку.

– Какую? – спросила Мария.

Человек посмотрел на каждого по очереди. И когда он посмотрел на Александра, осколок словно «отозвался» – тёплой пульсацией.

– Первую ошибку делают всегда одинаково, – сказал человек. – Вы думаете, что это про предмет. Про ключ. Про артефакт. А это про вас. Про то, что между вами.

Он сделал паузу, и в тишине было слышно, как где-то далеко гудит вентиляция.

– У вас есть пять минут, – продолжил он. – Ровно столько, сколько дал вам наблюдатель. Вы думаете, он решает, сколько вам быть здесь. Но он не решает.

Елизавета сжала зубы.

– Это угроза?

– Это факт, – мягко сказал человек. – И ещё факт: если вы сейчас пойдёте каждый по домам, вы начнёте забывать. Не сразу. Не резко. По кусочку. Как будто память – это ткань, и её можно выдернуть нитями.

Мария побледнела.

– Забывать что?

– То, что вы были вместе, – сказал человек. – То, что вы сделали. То, что вы почувствовали. И вы начнёте подозревать друг друга. Это самый дешёвый способ разрушить то, что держит вас.

Кирилл шагнул вперёд.

– Хватит, – сказал он. – Или говори, что делать, или уходи.

Человек смотрел на Кирилла спокойно. И сказал наконец:

– Завтра. Фонд. Номер семь. В тринадцать тринадцать.

Елизавета вздрогнула, как от удара.

– Откуда вы знаете про фонд?

Человек не ответил на вопрос. Он лишь посмотрел на витрину, как будто проверял, слушает ли она.

– Если вы придёте – вы узнаете, почему Серафима исчезла, – сказал он.

Имя прозвучало так, будто он произнёс пароль. И сразу после этого воздух в зале словно «просел»: лампы мигнули на долю секунды, и тень вокруг витрин стала гуще.

Мария прошептала:

– Ты... ты знаешь Серафиму?

Человек улыбнулся чуть сильнее – но не теплее.

– Я знаю о ней достаточно, чтобы не говорить о ней слишком много, – ответил он. – И я знаю, что она не любит, когда её ждут как спасение.

Он сделал шаг назад – туда, в тень. И ещё шаг. Свет перестал цепляться за его лицо.

– Подождите! – резко сказала Елизавета. – Как тебя зовут?

Из тени пришёл ответ – тихий, почти беззвучный:

– Вы назовёте меня так, как вам будет удобно. Но не путайте удобное с правдой.

И его не стало.

Не так, как исчезла Серафима – не мгновенно и не чудесно. Он просто ушёл так, что они не заметили, куда. Как уходит человек из толпы: секунду назад был, секунду спустя – нет.

Они стояли, не двигаясь.

Кирилл первым нарушил тишину.

– Лиза, – сказал он хрипло. – Скажи, что это галлюцинация.

Елизавета медленно покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Галлюцинации не знают расписание фондов.

Мария посмотрела на Александра, и в её глазах была просьба: «скажи, что мы не одни».

Александр посмотрел на осколок. Тепло в ладони стало ровным, спокойным, как будто осколок сказал всё, что хотел, и теперь ждал.

– Мы не одни, – сказал Александр. – Но я не уверен, что это хорошая новость.

И в этот момент из глубины зала, совсем рядом – как будто прямо из стекла витрины – прошёл тихий шёпот. Не голос, не слово, а ощущение, которое сложилось в понятную фразу:

«Не отдавайте его».

Они замерли одновременно.

Мария выдохнула:

– Серафима...

Елизавета закрыла глаза на секунду, словно собирала себя в кулак.

– Завтра, – сказала она. – Фонд №7. 13:13. Все вместе.

Кирилл кивнул.

– Все вместе, – повторил он, и в его голосе было то, чего раньше не было: не защита, а согласие.

Александр сжал осколок в ладони – не как трофей, а как обещание. И впервые после пожара он почувствовал не страх.

Он почувствовал направление.

Глава III. Нить, которую тянут

Смотритель не стучал и не кашлял – он просто возник у входа в зал так, как возникают люди, которым надоело быть вежливыми.

– Пять минут прошли, – сказал он. – Я понимаю, что у вас... обстоятельства. Но если нас завтра будут проверять, я не хочу объяснять, почему четверо взрослых людей гуляли ночью по экспозиции.

Елизавета шагнула к нему сразу, будто спасая не только себя, но и его – от того, что он мог бы увидеть, если бы подошёл ближе.

– Мы уходим. Спасибо вам, – сказала она так, что это звучало не просьбой, а закрытым вопросом: «Вы ведь правда не хотите знать лишнего?»

Смотритель хмыкнул, но открыл дверь шире и проводил их взглядом, в котором смешались раздражение и тихое уважение – то самое, которое появляется у людей, когда они понимают: эти четверо сегодня были там, где страх пахнет дымом.

Они вышли из музея в ночь, и дверь за ними закрылась с мягким щелчком, как крышка шкатулки. И сразу стало ясно: внутри было хоть как-то упорядочено, а снаружи – нет.

Ветер ударил в лицо. Машины на набережной шли редкими потоками, фонари дрожали желтоватым светом, и город казался равнодушным – но это было обманчивое равнодушие, как у человека, который молчит слишком ровно.

– Так, – сказала Елизавета, глядя на каждого по очереди. – Вариант «разошлись по домам» вычеркиваем.

Кирилл усмехнулся, но без привычной колкости.

– Потому что нам сказали, что мы начнём забывать?

– Потому что мы уже начали, – тихо сказала Мария.

Они посмотрели на неё.

Мария стояла, сжимая ремешок сумки так, будто это было единственное, что держит её в реальности.

– Я пытаюсь вспомнить лицо того человека в зале, – объяснила она. – И... оно ускользает. Как будто я вижу его боком, но стоит повернуть голову – и там пусто.

Кирилл резко втянул воздух.

– Точно так же у меня с двором. Я помню, что он был. Помню ощущение. Но когда пытаюсь «прокрутить» кадр – словно... серое пятно.

Елизавета медленно кивнула, и в её глазах появилась та самая серьёзность, которая у неё включается не от мистики, а от угрозы контролю.

– Значит, правило первое: не расходиться. До завтра, как минимум. Правило второе: фиксируем всё, что можем, любым способом, который работает. Не телефоном – раз он врёт. Тогда бумагой.

– Бумагой? – переспросил Кирилл.

– Я умею писать, – сухо сказала Елизавета. – Ручкой. На бумаге. Слышал о таком?

– Я просто уточняю, – буркнул он. – В наше время это звучит как магический ритуал.

Александр молчал. Он чувствовал осколок в кармане так же отчётливо, как чувствовал колено под бинтом. Тёплый, тяжёлый – хотя тяжести у него почти не было. Просто его присутствие было слишком заметным, чтобы быть случайным.

– Саша, – окликнула Мария. – Он всё ещё с тобой?

Александр кивнул.

– Да.

– И что он... делает? – спросила она, не решаясь произнести «светится» или «говорит».

Александр сунул руку в карман, коснулся осколка пальцами. Тепло стало чуть сильнее – будто предмет ответил на внимание.

– Он... как уголь. Не горит, но живой, – сказал Александр.

Кирилл посмотрел на небо, как будто там мог быть ответ.

– У нас есть где переждать ночь? – спросил он.

Елизавета подняла руку.

– У меня. Но. – Она выделила «но» так, словно ставила заслон. – Если «они» умеют смотреть, я не хочу приводить это к себе, не понимая правил.

– А правила мы узнаем завтра, – сказал Кирилл.

– Завтра в 13:13, – добавила Мария. – Фонд №7.

Она произнесла цифры так осторожно, словно боялась, что если сказать громче – они материализуются.

Елизавета достала блокнот из сумки – маленький, деловой, с закладками. Она быстро вырвала лист.

– Пишем прямо сейчас. Имена. Что произошло. Что мы видели. Что сказали. Слово в слово, насколько помним.

Кирилл скривился.

– Ты понимаешь, как это звучит?

– Я понимаю, как звучит «серый прямоугольник вместо фото», – холодно ответила Елизавета. – И понимаю, как звучит «я не могу вспомнить лицо». Так что – да. Пишем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.